
Автор представлен членом Художественного совета **Зиновием Антоновым**

Страшно не умирать. Страшно жить и жить,
Понимать, что уже не изменится ничего:
Что никто не поймает тебя во ржи,
Не поставит на землю, не поцелует в лоб.

Открываешь глаза – а уже через год,
На работе тоска, дома – незаправленная кровать,
Не вынесен мусор, не кормлен кот.
Открываешь глаза, и не хочется их открывать.

Пятьсот тысяч дел тебя сторожат,
И нельзя прогулять, и уже никуда не деться.
И страшно не то, что не можешь не сбежать, –
А прекратить все попытки к бегству.

Вот будем умнее, наглее и встанем в пары,
Не совершив всех положенных нам ошибок.
Страшно то, что мы скоро станем старыми,
Так и не став большими.

Уважаемые пассажиры, не забывайте свои вещи

Бог кладет меня в шкаф, хотя шкаф без того набит,
Куртки, сумки, лица, полные нелюбви.
Мне не нужно чудес, но прошу – не убей хотя бы.
Открываются двери – там не Нарния, а Октябрьская,
этот город крутит людьми и вертит,
и мне кажется, жизни нет даже перед смертью.

Бог достает меня из шкафа, говорит, сорок дней прошло.
Он смеется в усы, и щекотно целует в лоб.
Говорит, так душа проходила свои мытарства, –
ты считала, темнота, холода, центр страшного государства.
Говорит, все взаправду, не бред, не сон.
Ты свободна, оставь это чертово колесо.

открываю глаза ровно в семь ноль две,
мне пора на работу.
и валит снег.

Иногда все смешно и просто, мне б расти и рваться, ползти по швам, и не женщина, так, подросток, в голове бардак и в карманах хлам. Мне бы ластиться, веселиться, развлекаться, шалить, играть. Мне – молчать, опускать ресницы, мне – до крови и до нуля. Ставить Богу слова вместо свечек, желтым воском течет нутро. А потом их задует ветер. Я включаю плеер, сажусь в метро.

А весна и лето всех строят парами, гладят щеки солнцем, тела - травой, и меня вот тоже поймали за руку, ласково, но твердо ведут домой. Так пройдет все это, смешно-ненужное, неумелое, милое, то есть, детское. Кое-где слезой протечет наружу, глупыми стихами и родным немецким. И религия тут, и опиум, тут и вечный вопрос философии, и любовь – почти. Пустяки и сопли, и, конечно, темница офиса.

И представь, как я собрала все это, как слепила теплый тугой комок. У тебя, как водится, песни спеты – весь сатира, музыка, потолок. Ведь не редкий случай: когда прикуривал, ветром сдуло искорку на меня, занялось внутри, заиграли струны, и теперь все бьются, звенят, звенят. У меня же знаешь, ни сил, ни голоса, ни тем паче, слуха Господь не дал. Я гоню по встрече, плевав на полосы, а тебя увозят все поезда.